

Е. В. Резникова

Личные местоимения в политическом дискурсе

В статье рассматривается использование личных местоимений в политическом дискурсе, где местоимение является одним из средств манипулирования общественным мнением, а также значимой характеристикой политика, отражающей его мировоззрение и идеологию. Рассматриваются исторические изменения в использовании личных местоимений в политической жизни нашей страны и тот эффект, который выбор местоимения производит на аудиторию.

Ключевые слова: личные местоимения, политический дискурс, манипулирование общественным мнением, категория персональности, участники речевого акта, инклюзивное «мы», лексические единицы с компонентом совместности, деперсонализация, лексемы совместности, саморепрезентация.

E. V. Reznikova

Personal Pronouns in Political Discourse

The article deals with the usage of the personal pronouns in the political discourse, where it is a means of manipulating the public opinion as well as a significant characteristic of a politician reflecting his outlook and ideology. The historical changes in the usage of the personal pronouns in the political life of our country and the effect which the choice of the pronoun produces on the audience are observed.

Keywords: personal pronouns, political discourse, manipulating the public opinion, a category of personalization, participants of the speech act, inclusive "we", lexical units with the component of unity, depersonification, lexemes of unity, self-representation.

«Одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – “свой” и “чужой”, противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа “мы” – “они”, “этот” – “тот”, “здесь” – “там”, “близкое” – “далекое” и т. д.» [9]. Представление о «своем/чужом» формировалось в древности, отражая особенности архаического сознания подмечать и фиксировать существующие в мире объективные противоположности. Для древнего сознания характерна дуалистичность, отражающая «извечную конфликтность» реальности. Фольклористы упоминают оппозицию «свое/чужое» как доминирующую во многих жанрах народного творчества, где она оказывается ценностно окрашенной: «свое» – хорошее, «чужое» – плохое.

«Наш народ не избалован персональными обращениями. У нас долгое время господствовало стадное чувство, именуемое «МЫ» [8]. В этноисторических текстах часто используется ассоциативный тип «мы»: говорящий идентифицирует себя со своим этносом (даже в исторической перспективе, когда рассказчика еще не было на свете).

Ср.: «мы советское» в выступлениях на партийных форумах (как знак социалистического образа жизни).

Ср.: рефлексии на «мы советское» в рассказе В. Токаревой «Длинный день», где воспроизведена беседа журналистки и партийного функционера:

Суть же вопроса состояла в следующем: пол-года назад в районе открыли музей выдающегося просветителя конца восемнадцатого века <...> А потом в редакцию пришло письмо от студента-первокурсника, который сообщил, что просветитель жил вовсе не в этом доме, а через дорогу <...>

– Дело в смысле его жизни, – философски заметил Мельников. – А не в месте. Место – это случайность.

– Это сейчас случайность, – сказала Вероника. – Это мы сейчас не знаем, где получим квартиру. А тот дом был домом его отца, деда и прадеда. А потом в нем жили внуки и правнуки. Дом – часть человека.

– Мы это понимаем.

Мельников называл себя на «мы». Вероника знала, что решать будет он, но Мельников пожелал сделать вид, что от него ничего не зависит, вернее, не все зависит от него.

Ср.: *Это особый тип интеллигента, презирающего равным образом богему и толпу, привыкшего не доверять любому «мы»* (Новый мир, 2002. – № 10. – С. 168).

Вследствие большой вариативности семантического содержания местоимения «мы» оно нередко становится средством манипулирования общественным мнением, особенно – в предвыборных кампаниях.

Ср.: *Листовку-агитку «единороссов» венчает призыв, и его стоит процитировать: «Поддержите курс президента, защитите свой родной город от “правых” и “левых” демагогов, проголосуйте за кандидатов и список партии Единая Россия!» Кого, позвольте узнать? Самих себя? Какой курс мы должны поддержать? Увольте, господа! Это ваш курс, вы его и поддерживайте!* (Советская Россия, 4 декабря 2003 г.)

В предвыборной борьбе «мы» превращается в идеологему единения. Ср.: «...сверхзадача агитационной кампании – объединить народ вокруг кандидата, и... команда кандидата развивает в пропагандистских материалах идеологему единения, в центре которой смысл совместности, поддерживаемый идеологической памятью местоимений: *Вместе мы – сила. Наш город – это мы с вами. Мы будем с вами вместе добиваться достойной жизни и под.*» [3].

Сравним, как прокомментировано В. Шендеровичем использование местоимения «мы» в речи президента Путина (в связи с трагедией в Беслане):

В. Путин: «Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности. Мы не проявили понимания сложности процессов... мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз. Что и говорить, свежие соображения посетили голову нашего гаранта на второй тысяче трупов. Но главное – это трогательное “мы”. Мы перестали уделять внимание... мы не проявили понимания...» (В. Шендерович «Комментарий к событиям российской жизни». Сентябрь-октябрь 2004 г. // Континент. – 2004. – № 122. – С. 175)

Сравним, однако, мысли С. Л. Франка о том, что соборность, соединение я и ты в мы пронизывают всю социальную жизнь человечества. Мы – не расчлененное духовное бытие, общий дух, народная душа. Мы – это единство самой множественности, единство всего раздельного и

противоборствующего, единство, вне которого немислимо никакое человеческое разделение, никакая множественность. И даже когда я осознаю полную чуждость мне какого-нибудь человека или стою в отношении разъединения и вражды к нему, я сознаю, что мы с ним – чужие или враги, то есть я утверждаю свое единство с ним в самом разделении, в самой враждебности. Изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком [Цит. по 1].

В рамках манипулятивных техник выделяют «контакт, который имеет тенденцию сам себя поддерживать в силу положительного эмоционального, мотивационного или смыслового отношения к нему». Типичным примером такого контакта могут служить обращения *коллега, земляк*, местоимение *мы*, которое способствует тому, чтобы слушающий ясно осознавал, что говорящий такой же, как и он сам [7]. Е. И. Шейгал [9] перечисляет следующие специализированные вербальные знаки интеграции, позволяющие политикам отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности, – «маркеры своих»:

- инклюзивное *мы*;
- лексемы совместности (*вместе, все, наши, единство, единый, блок, союз, объединение*);
- лексические единицы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией ‘я свой’ (*друзья, товарищи, братья и сестры, сограждане, россияне, коллеги, земляки, мужики*);
- формулы причастности (*Я, как все...*).

Использование или, наоборот, избегание местоимения первого лица является значимой характеристикой политика.

Ср.: *Дмитрий Медведев установил свой первый президентский рекорд: никогда еще Послание к депутатам не было столь продолжительным – почти полтора часа. И никогда еще во время его оглашения так часто не звучали слова: «я принял решение...», «мною отдано распоряжение...», «я дал указание...»* (Советская Россия, 6 ноября 2008 г.).

Сравним характерный дискурс эпохи горбачевской перестройки:

«Мы» будто прячет «я», покрывает его некоей анонимностью, нивелирует и чьи-то робкие усилия, и чью-то отчаянную решимость, и чью-то полную спячку. И в наше время, когда «я»

расправляет плечи, когда реабилитируется индивидуальное в теории ли воспитания, в литературе ли, – когда мы с надеждой говорим о внимании к каждому человеку, а не только о любви к некоему обезличенному человечеству, пафос письма кажется особенно уместным. Слишком долго «я» растворялось в «мы», интересы коллектива противопоставлялись интересам личности, а мораль приносилась в жертву целесообразности. Наверное, это неизбежный этап – прежде чем объединиться, нужно размежеваться. Осознать свое «я» значит проявиться, выделиться и тем самым как бы и обособиться. Но на новом витке спирали – как бы это ни было трудно – все равно вновь стать «мы» (И. Руденко, Комсомольская правда, 19 октября 1988 г.) [Цит. по 4].

Е. И. Шейгал, детально исследовавшая политический дискурс, пишет: «Что касается грамматики, то нам представляется неправомерным говорить о каких-то грамматических особенностях, присущих языку политики, впрочем, так же, как и другим специальным подязыкам. На наш взгляд, тенденция к более активному употреблению определенных грамматических форм и конструкций еще не дает оснований говорить о наличии у того или иного языка «особой грамматики». Применительно к политическому языку в литературе упоминаются такие особенности грамматики, как, например, тенденция к устранению лица при помощи номинализованных конструкций-девербатов и безагенсного пассива, инклюзивное использование местоимений *мы, наш*. Эти грамматические особенности, однако, в отличие от специальной лексики, не являются чертами, присущими исключительно политическому дискурсу – данные формы и конструкции используются и в других видах коммуникации (с различием в частотности и прагматической ориентации)» [9].

Соотнесение обозначаемой в высказывании ситуации с участниками речевого акта осуществляется с помощью категории персональности. Она имеет ярко выраженную актуализационную природу. Категория персональности охватывает те зоны субъектности и объектности, в которых представлены субъект или объект – лицо, а также те случаи, когда субъект или объект не являются личными, но в предложении-высказывании выступает личная форма глагола, то есть реализована категория лица (как в односоставных предложениях). Категория лица местоимений и глаголов как грамматический центр персональности

полифункциональна, то есть выполняет, помимо семантических функций, еще и функции прагматические, связанные с особенностью коммуникативной ситуации. Рецессия субъекта (происходящая вследствие многочисленных номинализаций) была характерным свойством советского политического дискурса. Характерными для советского дискурса были и многие другие способы деперсонализации: опущение агенса в пассивных конструкциях (обращено внимание, принято решение). Такой прием используется в целях пропагандистского воздействия: деперсонализация субъекта вызывает у адресата представление о действии не субъектном, а объективно заданном. С началом перестройки и особенно в постсоветский период эта черта перестала быть характерной для политического дискурса. В. Г. Костомаров написал в 1987 г.: «Даже с трибуны многолюдного собрания (подумать было страшно еще недавно!) ораторы смело говорят: Я думаю, а не думается, представляется целесообразным» [2]. А. Мирошниченко [5] упоминает о том, как в своей журналистской практике столкнулся со следующим случаем: высокопоставленный чиновник с большим партийным (коммунистическим) прошлым, вычитывая свои ответы на журналистские вопросы, вычеркивал избыточные, на его взгляд, местоимения первого лица. Отказ от я диктовался не стилистическими требованиями, а соображениями партийной морали, которая не приветствовала «ячество». В результате получились эллиптические фразы вроде *поступил в институт...*, *не собирался баллотироваться в депутаты*. Отсутствие необходимой грамматической формы А. Мирошниченко считает «лингвоидеологемой».

К периферии функционально-семантического поля персональности в русском языке также относятся субъектно-локативные формы, содержащие указания на некоторое множество лиц по их территориальной, административной, социальной принадлежности, а также глагольными, реже адъективными предложениями, в которых функционируют такие формы: *В министерстве недовольны. В правительственных кругах упоминают о новом финансовом скандале. В этом городе думают о будущем*.

Отказ от грамматической формы первого лица или, напротив, активное ее использование, таким образом, на глубинном уровне отражают глубинные различия между мировоззренческими полюсами «социоцентризм» – «индивидуализм» или между идеологическими полюсами – «социа-

лизм» – «либерализм». Использование местоимения *мы* может свидетельствовать о приоритете коллектива, активное употребление местоимения первого лица единственного числа, напротив, свидетельствует о приоритете индивидуума. Возможно также представление «о приоритете машины», которое на лингвистическом уровне передается формулой «должность + 3 лицо вместо первого»: *Директор слушает... Автор считает, что...* Интересно, что домостоименный уровень саморепрезентации характерен и для детской речи (дети дошкольного возраста часто говорят о себе в третьем лице).

Отмечено, что Сталин использовал формулу «*Товарищ Сталин считает, что...*». Манифестируемый отказ от *я* приводит к подчеркнутой деперсонификации. Многие авторы справедливо отмечают, что *мы* вместо *я* в публичной речи для русского человека более естественно (между тем, в обыденной ситуации и разговорной речи трудностей с саморепрезентацией с помощью местоимения *я* не возникает). Возможно, что отсутствие формы первого лица единственного числа у глагола *победить* имеет те же корни (при естественном – *Мы победим*).

Библиографический список

1. Беляева, И. В. Прагматическое содержание количественной оценки [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Беляева. – Ростов н/Д, 2004. – 152 с.
2. Костомаров, В. Г. Перестройка и русский язык [Текст] / В. Г. Костомаров // Русская речь. – 1987. – № 6. – С. 3–11.
3. Купина, Н. А. О расширении границ речевой свободы: языковой облик избирательных кампаний 1999 года в Екатеринбурге и Свердловской области [Текст] / Н. А. Купина // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сборник статей. РАН. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 476–492.
4. Местоимения в современном русском языке [Текст] : учебное пособие / А. М. Чепасова, Л. Д. Игнатъева, Ж. З. Мительская и др. 2 изд-е, испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 196 с.
5. Мирошниченко, А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа [Текст] / А. А. Мирошниченко. – Ростов н/Д, 1995. – 112 с.
6. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке [Текст] / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. – М.: Наука, 1989. – С. 54–82.
7. Рядчикова, Е. Н. Речевое воздействие как вид манипуляции [Текст] / Е. Н. Рядчикова // Личность в пространстве языка и культуры. – М.; Краснодар, 2005. – С. 290–300.
8. Феофанов, О. А. Реклама: новые технологии в России [Текст] / О. А. Феофанов. – СПб.: Питер, 2000. – 384 с.
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 325 с.